

АСЯ ИСАЙ

ИЗМЕНА

Ушма красиво

Ася Исая

Измена. Ушла красиво

<https://litres.ru/74100563>

SelfPub; 2026

Аннотация

— ...не могу поверить, что Ульяна всё ещё с ним живет, — говорит девица.

— А что ей остается? У них же дочь. Видела, как она ему улыбается? У меня бы всю рожу перекосило так притворяться! — отвечает вторая.

— Дети — это не причина терпеть такое. Представляешь, он уже пять лет содержит эту свою... Как её... Светлану, кажется. И не просто содержит — у них двое взрослых детей! Собака, попугай и дом в элитном районе. Всё как положено!

Пятнадцать лет брака, успешная карьера, прекрасная дочь... Оказалось, мой муж всё это время жил двойной жизнью!

Я решила отомстить, но не сразу. О нет. Я выжидала шесть долгих лет, планируя идеальную месть.

ВНИМАНИЕ: Основано на реальных событиях.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	42
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ася Исай

Измена. Ушла красиво

Глава 1

Неужели это и есть оно? То самое долго и счастливо? Тот самый хеппи-энд, которым щедро одаривают лучшие истории?

Но, как оказалось, в реальной жизни конец — это только начало.

Свечи на торте дрожат, как маленькие языки пламени, танцующие под невидимую мелодию. Сорок. Цифра, которая еще вчера казалась такой далекой, теперь мерцает передо мной в теплом свете ресторанных люстр. Я закрываю глаза, собираюсь загадать желание, и в этот момент чувствую, как Иван нежно сжимает мою руку под столом. Его пальцы теплые и надежные, как всегда за эти восемнадцать лет.

— Загадывай, любимая, — шепчет он мне на ухо, и от его дыхания по коже бегут мурашки.

Я открываю глаза и вижу лица близких людей, освещенные мягким светом свечей. Маша, наша двенадцатилетняя дочь, смотрит на меня с такой любовью, что сердце сжимается от нежности. Она трясется от нетерпения. Кажется, вот-вот задует свечи сама.

Я задуваю свечи одним долгим выдохом, и зал взрывается аплодисментами. Иван первым тянется ко мне с бокалом шампанского.

— За мою прекрасную жену, которая с каждым годом становится только лучше, — произносит он, и я вижу в его серых глазах ту же влюбленность, что и много лет назад.

Шампанское щекочет нёбо крошечными пузырьками. Я чувствую легкое головокружение — не от алкоголя, а от счастья. Вот оно, думаю я, то самое ощущение полноты жизни, когда всё сложилось именно так, как должно было сложиться.

— Мам, расскажи, как вы с папой познакомились! — просит Маша, и её голос звенит, как колокольчик.

Эту историю она слышала сотни раз, но никогда не устает переслушивать. Я улыбаюсь и начинаю рассказывать о том студенческом вечере, когда Иван пролил на меня кофе в уни-

верситетской столовой. Пока я говорю, мой взгляд скользит по его лицу. За эти годы в уголках глаз появились морщинки, виски слегка тронула седина, но он всё такой же — мой Ваня, надежный, как скала.

Вечер течет, как медовая река. Я впитываю каждое мгновение, каждый звук, каждый взгляд. Хрустальные бокалы звенят при соприкосновении, создавая свою мелодию праздника.

— Я на минутку, — шепчу Иван, когда официанты уносят пустые тарелки после основного блюда.

Он кивает, увлеченный разговором с Виктором о какой-то новой инвестиционной стратегии.

Мои каблуки цокают по мраморному полу, отражаясь эхом от стен. Толкаю тяжелую дверь дамской комнаты и оказываюсь в роскошном помещении с зеркалами во всю стену и мягкими пуфами, обитыми кремовым бархатом. Воздух здесь пропитан ароматом дорогого парфюма.

Я подхожу к зеркалу и вижу счастливую женщину. Глаза блестят, на щеках играет румянец, губы изогнуты в довольной улыбке. Я вижу ту самую восемнадцатилетнюю девочку

и тихо ей шепчу:

— Сорок тебе к лицу. Ты со всем справилась! — восхищенно оглядывая себя, иду в кабинку.

Именно в этот момент открывается дверь, и входят две женщины. Не обращаю на них внимания, но их голоса врезаются в мое сознание, как осколки разбитого стекла.

— ...не могу поверить, что Ульяна всё еще с ним живет, — говорит одна из них.

— А что ей остается? У них же дочь. Видела, как она ему улыбается? У меня бы всю рожу перекосило так притворяться! — отвечает вторая. Они проходят в кабинки, продолжая разговор.

— Дети — это не причина терпеть такое. Представляешь, он уже пять лет содержит эту свою... как её... Светлану, кажется. И не просто содержит — у них двое взрослых детей, собака, попугай, змея и дом в элитном районе. Всё как положено!

Сердце начинает биться чаще. Грудину на живую испаривает нож. Я медленно опускаюсь на крышку унитаза, стараясь не шуметь.

— Самое противное, что он даже не скрывает особо. Пом-

нишь, на корпоративе в прошлом году? Она там была, представляешь? Правда, всем представлял её как дальнюю родственницу.

— А Ульяна?

— А что Ульяна? Делает вид, что ничего не замечает. Хотя я уверена, она всё знает. Просто боится остаться одна, наверное. В её возрасте...

Звук спускаемой воды заглушает следующие слова.

Выхожу из своего укрытия, стараясь держаться на ногах. Цепляюсь за раковину, чтобы устоять.

Дверца кабинки открывается, и девушка выходит, направляясь к соседней раковине. Увидев меня, она на секунду замирает, но быстро берет себя в руки.

— Ульяна! Какая встреча! Просто шикарный юбилей, все по высшему разряду!

Её голос звучит слишком бодро, слишком фальшиво. Я заставляю себя улыбнуться.

Она суетливо моет руки, избегая смотреть мне в глаза. И выталкивает подругу, чтобы шла быстрее. Они практически выбегают из туалета, оставляя после себя шлейф терпких ду-

хов.

Я остаюсь одна. В ушах звенит. Колени подгибаются. Мрамор холодный, почти ледяной под моими влажными ладонями.

"Они говорили не об Иване," — пытаюсь убедить себя я. "Это какой-то другой мужчина, другая семья."

Внезапно всё встает на свои места, как кусочки пазла. Частые командировки последние годы. Задержки на работе. Странные звонки, после которых он выходил поговорить на балкон.

Я всегда находила объяснения. Бизнес растет, конкуренция жесткая, нужно много работать. Я доверяла. Я любила. Я была слепа.

В груди разрастается черная дыра, засасывающая всё хорошее, что было в этот вечер. Счастье, умиротворение, ощущение полноты жизни — всё исчезает, оставляя только боль и пустоту.

Нужно вернуться. Там, в зале, меня ждут. Ждет торт, подарки, тосты. Ждет Маша с её сияющими глазами. Ждет и Иван с его лживой улыбкой.

Я смотрю на свое отражение и не узнаю себя. Все так же чертовски красива. Но минуту назад сияющие глаза, стали пустыми, как у куклы.

Механически поправляю волосы, промакиваю салфеткой уголки губ. Нужно вернуться и сыграть роль счастливой именинницы. Сыграть роль жены, которая ничего не знает.

Дверь дамской комнаты кажется неподъемно тяжелой. Я толкаю её и выхожу в коридор. Смех, звон посуды, музыка — обрушиваются на меня, как лавина. Каждый шаг дается с трудом.

В дверях зала я на мгновение останавливаюсь.

"У них двое взрослых детей."

Я делаю глубокий вдох и вхожу в зал. Иван первым замечает меня, его лицо озаряется улыбкой. Той самой улыбкой, которая когда-то заставила моё сердце биться чаще. Теперь от неё только тошнота подкатывает к горлу.

— А вот и именинница! Мы уже начали скучать, — говорит он, вставая и отодвигая для меня стул.

Его рука касается моей спины — жест, повторенный тысячи раз. Раньше от этого прикосновения по коже бежали мурашки. Теперь хочется отпрянуть, как от прикосновения к раскаленному железу.

Я сажусь, растягивая губы в улыбке. Никто ничего не замечает. Или делает вид, что не замечает? Может, все знают? Может, я последняя узнала о том, что мой муж живет двойной жизнью?

— Мам, ты в порядке? — Маша смотрит на меня с легким беспокойством. — Ты какая-то бледная.

— Всё хорошо, солнышко. Просто немного устала.

Наконец, гости начинают расходиться. Объятия, поздравления, обещания скоро встретиться. Я функционирую на автопилоте, правильные слова вылетают изо рта сами собой.

В машине Маша засыпает на заднем сиденье, утомленная впечатлениями вечера. Иван ведет машину, насвистывая какую-то мелодию. В свете фонарей его профиль кажется чужим, незнакомым. Кто этот человек рядом со мной? Знала ли я его вообще?

— Отличный вечер получился, — говорит он, не отрывая взгляда от дороги. — Ты довольна?

— Да, — выдавливаю я. — Спасибо.

— Я люблю тебя, — произносит он, как произносил ты-сячи раз.

Раньше я отвечала автоматически. Сейчас слова застревают в горле. Молчание затягивается.

— Ты точно в порядке? — в его голосе появляется нотка беспокойства.

— Устала, — повторяю я. — И немного перебрала с шампанским.

Он смеется — легко, беззаботно. Как может он смеяться, живя во лжи? Как может спокойно спать рядом со мной, зная, что предаёт меня каждый день?

Дома я помогаю сонной Маше раздеться и лечь в постель. Целую её в лоб. Моя девочка. Как я скажу ей? Как объясню, что папа, её герой, оказался предателем?

В нашей спальне Иван уже в постели, листает что-то в телефоне. Я иду в ванную, запираю дверь. Смываю макияж, и вместе с тушью по щекам текут первые слезы.

Как я буду лежать с ним в одной постели? Как буду делать вид, что ничего не случилось? Но нужно. Пока нужно.

Мне нужны доказательства. Нужно всё обдумать. Нужно защитить Машу.

Я выключаю свет и ложусь на самый край кровати, стараясь занимать как можно меньше места. Иван откладывает телефон и поворачивается ко мне.

— Иди ко мне, — шепчет, протягивая руку.

Я заставляю себя придвинуться, позволяю ему обнять меня. Его тело теплое, знакомое до каждой родинки. Сколько ночей я засыпала вот так, чувствуя себя защищенной? Сколько раз просыпалась счастливой от одного ощущения его рядом?

— Спокойной ночи, любимая, — шепчет он мне в волосы.

Я закрываю глаза, но сон не идет.

Время течет, унося с собой остатки моего счастья. К утру мне нужно придумать, как жить дальше. Как смотреть в глаза человеку, который предал меня самым жестоким образом. Как защитить дочь от правды, которая может её сломать.

Но это будет утром. А пока я лежу в темноте рядом с чужим человеком, которого пятнадцать лет считала самым

близким, и учусь дышать в мире, где больше нет воздуха.

Глава 2

Просыпаюсь в четыре утра. Иван спит рядом, его дыхание ровное, спокойное. В полумраке спальни различаю знакомые очертания его лица — те самые скулы, которые когда-то свели меня с ума, чуть приоткрытые губы. Сердце сжимается от боли. Как может человек так безмятежно спать, живя двойной жизнью?

Тихонько выскользываю из-под одеяла. Босые ноги касаются холодного паркета, и по спине пробегает дрожь.

Крадусь к его стороне кровати. На тумбочке лежит телефон, хранящий все секреты. Рука тянется к нему, но замирает в воздухе. Пальцы подрагивают. Я же никогда... Никогда не проверяла его вещи. За пятнадцать лет брака — ни разу.

Беру телефон. Экран требует пароль. Конечно. Пробую дату нашей свадьбы — не подходит. День рождения Маши — тоже нет. Его день рождения... Телефон мягко вибрирует и показывает: «Неверный пароль. Осталось попыток: 2».

Кладу обратно. Руки влажные, сердце колотится так громко, что, кажется, он точно слышит и сейчас откроет глаза,

чтобы поймать меня с поличным. Возвращаюсь в постель, натягиваю одеяло до подбородка. Лежу, уставившись в потолок, где танцуют тени от фонаря за окном.

Утром за завтраком изучаю его лицо. Иван читает новости на планшете, периодически хмурится, цокает языком. Обычное утро обычного человека. Маша ковыряется в овсянке, морщит нос.

— Мам, можно я не доем? — спрашивает дочь.

— Доедай, — машинально отвечаю, не отрывая взгляда от мужа.

Он поднимает глаза, улыбается:

— Что смотришь? Плохо выбрился?

— Нет, всё хорошо, — отворачиваюсь, делаю глоток остывшего кофе. Горечь обжигает горло.

После его ухода на работу начинаю настоящее расследование. Захожу в его кабинет — святая святых, куда я обычно захожу только с пылесосом.

Рабочий стол идеально чист. Ноутбук закрыт, рядом аккуратная стопка документов. Открываю верхний ящик — ручки, скрепки, визитки. Ничего подозрительного. Второй

ящик — папки с договорами. Третий заперт.

Дергаю сильнее. Заперт.

В висках начинает пульсировать. Где ключ? Что он может вообще прятать в собственном доме? Обшариваю все полки, заглядываю за книги. Пыль щекочет нос, чихаю. На верхней полке, за собранием сочинений Чехова, нащупываю маленький ключик.

Руки дрожат, когда поворачиваю его в замке. Ящик открывается с тихим щелчком. Внутри... квитанции. Обычные квитанции об оплате. Разочарование смешивается с облегчением. Перебираю бумаги — счета за электричество, воду, интернет...

Стоп.

Чек из ювелирного магазина. Дата — две недели назад. Сумма заставляет присвистнуть. Золотые серьги с бриллиантами. Я таких не получала.

Ноги подкашиваются. Опускаюсь прямо на пол, сжимая чек в руке. Бумага хрустит. Перед глазами плывёт. Значит, правда? Всё правда?

Следующие дни превращаются в пытку. Я становлюсь шпионкой в собственном доме. Проверяю карманы его пиджаков — нахожу только мятные конфеты и чеки из обычных магазинов. Обнюхиваю рубашки — только знакомый запах его дезодоранта и едва уловимый аромат офисной жизни: кофе, бумага, усталость.

Пытаюсь взломать его почту. Сажу перед компьютером, кусаю губы. Пароль не угадать. Захожу в соцсети — его страница пуста, последний пост год назад: наше семейное фото с отпуска. Мы втроём на фоне моря, загорелые, счастливые. Маша смеётся, показывает язык. У меня в руках панамы, ветер треплет волосы. Иван обнимает нас обеих.

Слёзы каплют на клавиатуру. Вытираю их рукавом.

Начинаю следить за его маршрутами. Благо, мы давно открыли друг другу доступ к геолокации «для безопасности». Точка движется предсказуемо: дом — офис — обед в ресторане неподалёку — офис — дом. Иногда заезжает в спортзал, в магазин. Никаких подозрительных адресов.

Может, я схожу с ума? Может, тот разговор в туалете был не о нём?

В пятницу он задерживается на работе. Сажу на кухне,

слежу за точкой на экране. Девять вечера, десять... Точка не движется, замерла в офисе. Набираю его номер.

— Да, солнце, — голос усталый. — Прости, тут аврал, клиенты из Германии завтра утром требуют презентацию. А мои олени одни не справляются. Не жди, ложись.

— Хорошо, — говорю, стараясь, чтобы голос звучал обычно. — Поужинал?

— Заказали. Не волнуйся.

Кладу трубку. Точка всё ещё в офисе. Может, телефон оставил на столе? А сам...

Не выдерживаю. Одеваюсь, вызываю такси. Еду к его офису, сердце колотится. Что я скажу, если встречу его? Придумаю что-нибудь.

Бизнес-центр освещён, в окнах горит свет. Поднимаю голову — пятнадцатый этаж, их офис. Свет горит. Прячусь за припаркованной машиной, жду. Холодный ветер пробирается под куртку, зябко кутаюсь.

Из дверей выходят люди — усталые, с папками, с сумками. Узнаю его коллегу, Виктора. Потом ещё двоих. И Ваня. Один. Садится в машину, уезжает.

Еду домой на такси, чувствуя себя полной идиоткой. Водитель пытается завязать разговор, отвечаю односложно.

Дома он уже в душе. Слышу шум воды. Быстро раздеваюсь, ныряю под одеяло. Притворяюсь спящей, когда он ложится рядом. Целует в висок — губы холодные.

— Спи, милая, — шепчет.

Лежу с закрытыми глазами, считаю его вдохи и выдохи. Пытаюсь уловить чужой запах — духов, помады. Ничего.

Так проходит неделя, другая. Я худею, плохо сплю. Маша спрашивает, не заболела ли я. Иван предлагает съездить к врачу. Отмахиваюсь — всё нормально, просто устала.

Подруга Ленка зовёт в кафе. Сидим, пьём капучино. Она болтает о своём новом увлечении йогой, о том, что муж, наконец, согласился на отпуск в Таиланде. Киваю, улыбаюсь, а сама думаю: может, рассказать ей? Но слова застревают в горле.

— Ты какая-то странная последнее время, — Ленка наклоняется ближе. — Всё в порядке?

— Да, — лгу. — Просто осенняя хандра.

Она долго смотрит на меня, потом пожимает плечами. Меняет тему.

В тот вечер мое сердце никак не могло найти покоя.

Мы с Машей дома, смотрели какую-то комедию. На экране герои попадают в дурацкие ситуации, дочь хохочет. Я машинально улыбаюсь, поглядывая на часы. Половина десятого. Иван обещал быть к девяти.

Телефон вибрирует, и я не глядя на экран принимаю вызов.

— Алло?

— Ульяна Сергеевна? — трубка оживает незнакомым мужским голосом. — Это дежурный из третьей городской. Ваш муж...

Мир останавливается. Звуки становятся ватными, картинка перед глазами расплывается.

— Что с ним?

— Авария. Он в реанимации. Вам лучше приехать.

Трубка выпадает из рук. Маша вскакивает, трясёт меня за плечи:

— Мама! Мама, что случилось?

Пять минут и мы в больнице. Белые коридоры, запах хлорки и лекарств, мерцающий свет ламп. Врач — усталый мужчина в помятом халате — говорит страшные слова: «Лобовое столкновение», «переломы», «черепно-мозговая травма», «делаем всё возможное».

— А второй... — спрашиваю севшим голосом. — Второй водитель?

Врач качает головой:

— Это был пешеход. Скончался на месте. Ваш муж пытался увернуться, но не успел затормозить.

Оседаю на пластиковый стул. Маша вцепилась в мою руку, ногти больно впиваются в кожу. Но эта боль — ничто по сравнению с тем, что разрывает грудь изнутри.

Глава 3

— Можно его увидеть? — мой голос звучит чужим, сдавленным.

— Пока нельзя. Подождите здесь.

Время тянется как смола, густая и вязкая. Маша уснула у меня на плече, её дыхание щекочет шею. Я глажу дочь по волосам — они такие же мягкие, как у Ивана. Господи, как же я могла... Как могла подозревать, следить, копаться в его вещах, когда он... когда мы...

Какие-то суки оболгали его, возможно зная, что я нахожусь в туалете. А я повелась как девчонка.

Желудок скручивает от отвращения к самой себе. Всего три часа назад, пока он мчался домой, я лихорадочно пыталась взломать пароль от ноутбука и следила за ним. Искала доказательства измены, представляла, как брошу ему в лицо распечатки переписок. А он в это время...

Напротив сидит женщина лет пятидесяти. Платок сбился набок, седые корни проступают сквозь рыжую краску. Она

качается взад-вперед, прижимая к груди мужскую куртку. Наши взгляды встречаются — в её глазах я вижу то же животное отчаяние, что чувствую сама.

— Сын, — шепчет она. — Мотоцикл. А у вас?

— Муж. Авария.

Больше слов не нужно. Мы понимаем друг друга без объяснений. Она снова утыкается в куртку, я — в макушку Маши.

Линолеум под ногами в черно-белую шашечку. Считаю квадраты — восемнадцать до стены. На девятом — бурое пятно, похожее на высохшую кровь. Или кофе. Хочется верить, что кофе.

Рассвет застает нас в том же коридоре. Сизый свет, превращаясь в ярко-алую краску, ползет по стенам, выхватывая из полумрака потертые плакаты о вреде курения и расписание приема врачей. Маша просыпается, трет глаза кулачками.

— Мам, папа где?

— Врачи его лечат, солнышко. Скоро увидим.

Она кивает с той доверчивостью, что бывает только у де-

тей. Для неё папа — непобедимый герой, который обязательно поправится. Я бы отдала всё, чтобы верить так же.

Двери операционной распахиваются. Врач выходит, снимает шапочку. Волосы у него мокрые от пота, на виске отпечаток от резинки. Вскакиваю, ноги ватные, не держат.

— Операция прошла успешно. Критический период миновал. Но... — он трет переносицу, оставляя красный след, — впереди долгое восстановление. Множественные травмы: перелом трех ребер, ушиб легкого, разрыв селезенки — пришлось удалить. Сотрясение мозга средней степени тяжести. И психологически будет тяжело.

Слова долетают как сквозь вату. Жив. Иван жив. Остальное неважно.

— Можно к нему?

— Ненадолго. Он еще под наркозом.

Оставляю Машу в коридоре с медсестрой. Толкаю тяжелую дверь палаты.

Запах лекарств бьет в нос — острый, химический, с металлической ноткой крови. Иван лежит на высокой койке, весь опутанный проводами и трубками. Лицо бледное, вос-

ковое, под глазами фиолетовые тени и ссадины. На лбу швы, уходящие под повязку.

Подхожу медленно, боясь потревожить эту хрупкую тишину. Только монитор мерно плачет, отсчитывая удары его сердца. Жив.

Сажусь на стул рядом, беру его руку. Теплая. На костяшках ссадины, под ногтями запекшаяся кровь.

Слезы, наконец, прорываются. Плачу молча, уткнувшись лбом в его ладонь. Соленые капли скатываются по его пальцам, но он не чувствует. Наркоз держит его где-то далеко, в безопасном небытии, где нет боли, вины и разбитых жизней.

Следующие дни сливаются в бесконечную карусель. Больница — дом — больница. Маша остается у моей мамы. Я практически живу в палате, выучила каждую трещинку на потолке, каждый скрип линолеума.

Иван приходит в себя на третий день. Открывает глаза, долго фокусирует взгляд.

— Ульяна? — голос хриплый, чужой.

— Я здесь. Все хорошо, ты в больнице.

— Человек... Тот человек...

— Тише. Не надо сейчас об этом.

Но он помнит. Помнит все. Как тот мужчина выскочил на дорогу. Как ударил по тормозам, но было поздно. Глухой удар. Тело, перелетающее через капот. Кровь на лобовом стекле.

Психиатр приходит на пятый день.

— Острая реакция на стресс, — говорит она мне в коридоре. — Возможно развитие ПТСР. Ему нужна будет длительная терапия. И ваша поддержка.

Дни превращаются в недели. Иван почти не говорит. Ест через силу. Физиотерапевт заставляет его вставать, делать упражнения — ребра срastaются медленно, каждое движение причиняет боль. Но физическая боль — ничто по сравнению с тем, что происходит у него внутри.

Ночами он кричит. Просыпается в холодном поту, хватается ртом воздух. Он цепляется за меня как утопающий, и я не могу, просто не могу сказать ему то, что собиралась. Не могу добить человека, который и так едва держится.

Выписывают через три недели. Везу его домой на такси — водить он пока не может. Да и не хочет. При виде машин его

бросает в дрожь.

Дома он бродит как призрак. Худой, осунувшийся, с ввалившимися щеками. Маша пытается его растормошить, показывает рисунки из школы, но он смотрит сквозь неё.

Адвокат приезжает через месяц. Дело движется к суду. Камеры видеонаблюдения зафиксировали момент аварии — пешеход действительно выбежал на дорогу в неположенном месте. Но человек мертв. Семья погибшего требует компенсацию.

— Скорее всего, условный срок, — говорит адвокат. — И денежная компенсация. Но учитывая обстоятельства...

Иван слушает молча. В глазах — пустота.

Я варю супы, которые он не ест. Лежу рядом с человеком, который становится все более чужим. И каждую ночь борюсь с желанием поговорить с ним о другой семье. Но как? Как добить того, кто и так на дне?

Через три месяца приходит повестка в суд. Читаю мелкий шрифт, юридические термины расплываются перед глазами. "Причинение смерти по неосторожности".

Ночь перед судом не спим оба. Лежим в темноте, каждый на своем краю кровати. Пропасть между нами ширится с каждым днем, но я не могу её преодолеть. Не могу признаться в своих подозрениях. Замкнутый круг.

— Уль, если меня посадят...

— Не посадят.

— Но если... Обещай, что будешь жить дальше. Ты и Маша.

— Иван...

— Обещай.

Обещаю. Слова горчат на языке как полынь.

Утром надеваю строгий костюм, крашусь тщательно — нужно выглядеть женой, которая верит в мужа. Иван в своем лучшем костюме похож на покойника. Руки трясутся, когда завязывает галстук. Помогаю, стараясь не встречаться взглядами.

Здание суда встречает холодом казенных коридоров. Семья погибшего — жена и двое взрослых детей — сидят напротив. В их глазах — ненависть. Понимаю их. Проклинаю весь мир, где мне приходится выбирать между правдой и милосердием.

Адвокат нашел записи с камер, что этот же мужчина ча-

сом ранее пытался прыгнуть с моста, но его успешно сняли. Только вот ужел он не домой к семье, а дальше искать смерти. Вот только это не оправдывает...

Судья зачитывает приговор монотонным голосом. Два года условно. Компенсация в три миллиона. Лишение прав на полтора года. Иван стоит прямо, но я вижу, как подрагивают его плечи.

Выходим из зала. Адвокат что-то говорит про удачный исход, про апелляцию семьи потерпевшего. Не слушаю. Смотрю на мужа — сломленного, опустошенного, чужого. И понимаю — я не могу уйти. Не сейчас. Не после всего этого.

В машине молчим. Дома Маша бросается к нам, обнимает папу. Он гладит её по голове отрешенно, механически.

— Все будет хорошо, — вру.

Ложь. Но иногда ложь — это все, что у нас остается.

Глава 4

Уже полгода как мы зависли в лимбе. Между жизнью и смертью. В бесконечном небытии.

Иван отказался бороться за свои права и оспаривать решение суда, но мы с адвокатом не смогли смириться.

Я добилась правды и добилась отмены условного срока мужу. Ни разу так и не смогла себе ответить на вопрос зачем это делаю. Убегала от этих мыслей по бесконечному кругу.

Только вот он не оценил. Удвоил компенсацию пострадавшей семье и стал погружаться в себя.

Утренний свет пробивается сквозь щель между шторами, падает мне прямо на лицо. Щурюсь, поворачиваюсь на другой бок. Место рядом пустое, простыни холодные. Иван опять не спал в постели.

Нахожу его в гостиной. Сидит на диване, обхватив голову руками. Перед ним на журнальном столике — россыпь таблеток. Белые, жёлтые, голубые. Наша радуга отчаяния.

— Опять не спал? — спрашиваю, хотя ответ очевиден.

Он поднимает голову. Боже, на кого он стал похож. Щёки запали, под глазами чёрные круги, в глазах — пустота. Щекина неровная, седая. Когда он последний раз брился? Не помню. Сердце ноет от этой картины.

— Снилось опять, — хрипит он.

Знаю, что снилось. Авария. Тот человек. Кровь на асфальте. Просьбы о помощи и скорая, которая приезжает только чтобы констатировать смерть. Каждую ночь один и тот же кошмар.

Сажусь рядом, машинально глажу по спине. Футболка влажная от пота. Чувствую, как под ладонью выступают позвонки — он сильно похудел за последние полгода.

— Выпей снотворное.

— Уже. Не помогает.

В кухне начинает свистеть чайник. Вскрываю, бегу. Пар вырывается из носика злой струёй, оседает на кафеле каплями. Выключаю газ, наливаю воду в чашку. Чай — единственное, что я могу ему предложить. Ромашковый чай и ложь о том, что всё будет хорошо.

Возвращаюсь с двумя чашками. Иван сидит в той же позе. Ставлю чай перед ним, он даже не смотрит.

— Сегодня среда, — говорю. — К психологу поедешь?

— Какой смысл?

— Иван...

— Нет, правда, какой смысл? Она говорит мне отпустить вину. Как? Как отпустить то, что я убил человека? Что из-за меня чьи-то дети остались без отца, а женщина стала вдовой?

Слова бьют по нервам. Каждый раз одно и то же. Круг замкнулся, и мы ходим по нему день за днём.

— Это был несчастный случай.

— Несчастный случай, — повторяет он горько.

Внутри всё сжимается. Он выучил наизусть досье человека, которого сбил. Нашёл в интернете, читал некролог снова и снова.

— Хватит себя истязать.

— А как ещё? Как жить дальше, зная, что ты отнял чью-то жизнь?

— Этот человек сам выбрал смерть. Это его ответственность. И мне очень жаль, что для своих целей он выбрал

именно то место и время. Это не твоя вина, — мой голос садится. Допиваю чай — он остыл, горчит. Как и всё в этом доме. — Тебе нужно поесть перед лекарствами.

— Не хочу.

— Вань, ты должен.

Он смотрит на меня так, словно видит впервые.

— Почему ты ещё здесь, Уля?

Вопрос застаёт врасплох. Руки замирают над таблетками.

— Что за глупости?

— Я же вижу, как ты на меня смотришь. С жалостью. С отвращением, может быть. Почему не уходишь?

Потому что не могу, хочется крикнуть. Потому что знаю о твоей второй семье и теперь жду удобного момента отомстить. Потому что ненавижу и люблю одновременно. Потому что Маша... Какой из этих ответов будет самым уместным?

— Мы семья, — говорю вместо всего что варится в голове.

Он усмехается. Жалкая пародия на улыбку.

— Семья. Красивое слово.

Ухожу на кухню готовить завтрак. Руки дрожат, когда разбиваю яйца. Желток растекается по сковороде, шипит масло. Запах жареного вызывает тошноту.

Маша спускается к завтраку последней. Волосы собраны в небрежный пучок, под глазами следы плохого сна. Мой ребёнок вырастет в этом аду.

— Доброе утро, солнышко.

— Привет, мам.

Садится за стол, берёт телефон. Прячется за экраном — её способ справляться с происходящим.

— Папа где?

— В гостиной.

Она кивает, жуёт тост. Мы научились общаться намёками, недоговорками. Целые разговоры в одном взгляде.

— Сегодня родительское собрание, — напоминаю.

— Ты придёшь?

— Конечно.

— А папа?

Молчу. Мы обе знаем ответ.

После завтрака Маша уходит в школу. Обнимаю её у двери, держу чуть дольше обычного. Она не сопротивляется — понимает, что мне нужна эта секунда близости.

— Пока, мам. Всё будет хорошо.

Если моя двенадцатилетняя дочь успокаивает меня, что-то окончательно сломалось в этом мире.

Возвращаюсь к Ивану. Он так и сидит на диване, уставившись в одну точку. Включаю телевизор — пусть будет фоном. Новости бубнят о курсе валют, погоде, политике. Обычная жизнь обычных людей.

— Давай прогуляемся, — предлагаю. — Врач говорил, тебе нужен свежий воздух.

— Не могу.

— Почему?

— Люди смотрят.

— Иван, никто на тебя не смотрит

— Смотрят. Узнают. Показывают пальцем — вот убийца идёт.

Это паранойя, вношу себе. Побочный эффект лекарств. Или депрессии. Или...

Звонит телефон. Номер подруги Лены высвечивается на экране. Колеблюсь — брать или нет.

— Алло?

— Уля! Наконец-то! Я уже думала, ты меня в чёрный список занесла.

Голос бодрый, живой. Из другого мира.

— Прости, Лен. Просто...

— Знаю, знаю. Слушай, мы с девочками в пятницу собираемся. Ничего особенного, просто кофе попить. Присоединишься?

Смотрю на Ивана. Он даже не замечает, что я говорю по телефону.

— Не знаю, смогу ли...

— Уль, ну хоть на часок! Мы же сто лет не виделись толком. Оксана спрашивает о тебе, Марина тоже.

— Хорошо. Постараюсь.

— Отлично! В нашем обычном месте, в три часа.

Кладу трубку. "Наше обычное место" точка, где мы встречаемся последние лет двадцать. Когда мы были моложе, на этом месте был ночной клуб, в котором мы отчаянно искали приключений. Сейчас это уютная кофейня с мягкими диванами и джазом в колонках. Но те стены помнят многое

К вечеру еду на родительское собрание. Учителя говорят об успеваемости, экзаменах, выпускном. Родители устраивают скандалы из-за цвета штор.

— Маша молодец, — говорит классная руководительница. — Правда, в последнее время немного рассеянная. Всё в порядке дома?

— Да, — лгу. — Всё хорошо.

Она смотрит с сомнением, но не настаивает.

Возвращаюсь домой. Иван спит на диване, телевизор бормочет. Укрываю его пледом, выключаю звук.

На кухне наливаю себе вина. Красное, терпкое. Пью маленькими глотками, чувствуя, как тепло растекается по телу.

Достаю ноутбук, открываю поисковик. Пальцы сами набирают: "как жить с депрессивным мужем". Тысячи ссылок. Форумы, статьи, советы психологов.

Читаю истории других женщин. У одной муж после смерти ребёнка замкнулся в себе. У другой — после увольнения. Третья пишет: "Пять лет борюсь, сил больше нет".

А я? Сколько я ещё выдержу?

Закрываю ноутбук. Вино выпито, в голове туман.

Ложусь одна. Кровать огромная, холодная. Натягиваю одеяло до подбородка, закрываю глаза.

Но сон не идёт. В голове крутятся мысли. О серьгах, которые он купил не мне. О второй семье. О том разговоре в туалете ресторана, перевернувшем мою жизнь.

Может, я всё придумала? Может, ослышалась? Я мечусь по лимбу не зная как вырваться. Моя жизнь застряла между правдой и ложью. Между долгом и желанием свободы. Между любовью, которая медленно умирает, и привычкой, которая держит.

А еще меня съедает сомнение. Подозрение. Невозможность выяснить правду.

Как спросить у человека на грани: "Кстати, милый, а прав-

да у тебя есть вторая семья?" Как копаться в телефоне того, кто каждую ночь просыпается с криком?

Не могу. И потому живу в этом аду неопределённости.

Завтра пятница. Встреча с подругами. Нужно будет улыбаться, говорить, что всё хорошо. Играть роль.

Как и каждый день.

Как и всю оставшуюся жизнь?

Нет. Когда-нибудь это кончится. Станет лучше. Или хуже. Маша подрастёт, уедет учиться. И тогда...

Тогда я смогу уйти. Начать заново. Без лжи, без боли, без этой удушающей жалости.

Засыпаю под утро. Снится море. Мы втроём на пляже. Иван строит замок из песка с Машей. Я фотографирую их, смеюсь. Солнце слепит глаза.

Просыпаюсь от его крика. Опять кошмар.

Встаю, иду к нему.

— Тише, тише, я здесь.

Он цепляется за меня, как утопающий. Дрожит.

— Я видел его лицо. Он смотрел на меня. Прямо в глаза.

— Это сон. Просто сон.

Укачиваю его, как ребёнка. Мой сильный муж. Мой сломанный муж.

Мой, возможно, неверный муж.

И я не знаю, что из этого страшнее.

Глава 5

Толкаю тяжелую дверь кофейни на Чистых прудах. Колокольчик над входом звякает слишком весело для моего настроения. Внутри пахнет свежемолотым кофе и ванильными сиропами — приторно-сладкий аромат, от которого слегка мутит. Или это от бессонной ночи?

Выбираю столик у окна, подальше от шумной компании студентов. За стеклом Москва. Серая, мокрая, безразличная. Прохожие спешат мимо, кутаясь в шарфы, их лица расплываются в дождевых потеках на стекле.

Снимаю пальто, вешаю на спинку стула. Ткань пропиталась влагой и запахом города — выхлопными газами, прелыми листьями, чужими духами из переполненного метро. Достая телефон — проверить, не отменила ли Лена встречу. Нет сообщений.

— Уля! Улечка!

Поднимаю голову. Лена стоит у входа, отряхивая зонт. Боже, как она изменилась! Помню её год назад — потух-

ший взгляд, вечно поджатые губы, глаза полные слез, сутулые плечи под бесформенным свитером. А сейчас...

Сейчас передо мной другой человек. Стрижка каре с медным оттенком блестит под светом ламп. Фигура подтянутая, в облегающем платье цвета морской волны. На шее — тонкая золотая цепочка с кулоном. И главное — глаза. Живые, искрящиеся, без той тоски, что жила в них все пятнадцать лет её брака.

— Елочка моя! — встаю, чтобы обнять. — Ты потрясающе выглядишь.

— Спасибо, дорогая. А ты... — она отстраняется, внимательно разглядывает меня. В её взгляде мелькает что-то похожее на жалость. — Похудела очень.

Машинально одергиваю блузку. Да, похудела. На два размера за полгода. Вещи висят мешком, но нет сил обновить гардероб. Да и зачем? Для кого наряжаться?

Садимся. Официант — мальчишка лет двадцати с серьгой в ухе — приносит меню. Лена заказывает латте с миндальным молоком и чизкейк. Я тыкаю пальцем в первую строчку — эспрессо. Есть все равно не смогу.

— Рассказывай, как жизнь? — снимает шарф таким эле-

гантным жестом, что вся мужская часть кафе оборачивается, облизываясь. На безымянном пальце нет обручального кольца, только тонкий след от него. — Сто лет не виделись. — Да так... — развожу руками. — Сама понимаешь. — А Иван? Маша?

Имя мужа царапает слух. Сжимаю чашку покрепче, чувствуя, как горячий фарфор обжигает ладони.

— Все в порядке. На сколько это возможно.

Ложь скользит с языка привычно. Мы же не говорим правду, мы улыбаемся и делаем вид, что все хорошо. Разве я могу сказать: "Мой муж полгода назад стал невольным соучастником суицида, теперь медленно пожирает себя, а я подозреваю его в измене и мечтаю о мести"?

Лена откидывается на спинку стула, скрещивает ноги. Колготки с легким блеском, туфли на шпильке. Год назад она ходила в стоптанных балетках.

— Знаешь, я тебе завидовала, — вдруг говорит она. — Всегда. У тебя была идеальная семья. Иван — красивый, успешный, явно любящий. А мой Колька...

Она машет рукой, будто отгоняя воспоминания.

— Но знаешь что? Развод — лучшее, что со мной случилось. Я думала, умру без него. Пятнадцать лет вместе, как же я одна? А оказалось — я только с ним и была одна. А сейчас Главное, не запутаться в графике любовников!

Официант приносит заказ. Лена отламывает кусочек чизкейка, жуёт задумчиво. У меня от одного запаха творога подкатывает тошнота.

— Первые месяцы были адом, не спору. Я рыдала ночами, названивала ему пьяная, умоляла вернуться. Стыдно вспомнить. Потом проходила мимо магазина нижнего белья и подумала: а когда я последний раз покупала красивое белье? Не практичное хлопковое, а красивое? Для себя? Чтобы почувствовать себя королевой?

Она улыбается, и в этой улыбке столько света, что хочется зажмуриться.

— Зашла, купила комплект за безумные деньги. Последние! Красный, кружевной, абсолютно непрактичный. Пришла домой, надела, посмотрела в зеркало и заплакала. Но это были другие слезы — очищающие. Будто я вернулась к себе после долгой командировки.

— И что дальше? — спрашиваю, хотя знаю ответ. Соцсе-

ти полны её фотографий из путешествий, с занятий йогой, с каких-то вечеринок.

— Дальше я начала жить. Записалась на танцы — всегда мечтала о танго. Встретила там людей, которые тоже начинали жизнь заново. Оказалось, нас таких много — разведенных, потерянных, ищущих себя.

Она делает глоток латте, на верхней губе остается молочная пенка. Вытирает салфеткой, продолжает:

— А потом я поняла главное. Все эти годы я мечтала отомстить Кольке. Придумывала планы один изощреннее другого. Подсыпать слабительное в его термос перед важной презентацией. Отправить его интимные фото всем контактам. Рассказать его маме про любовниц — она бы его убила.

В груди что-то сжимается. Я ведь тоже... тоже придумываю. Каждую ночь, лежа без сна, выстраиваю планы мести. Идеальной, беспощадной. Просто даже в этом боюсь себе признаваться.

— И знаешь, что меня остановило? — Лена наклоняется ближе, понижает голос. — Я поняла, что трачу энергию не туда. Пока я планирую месть, он живет своей жизнью. Счастливый, довольный, с новой девочкой. А я гнию изнутри, питаясь собственной желчью.

— Но разве он не должен заплатить? — слова вырываются сами. — За боль, за предательство?

— Должен. И заплатит. Вселенная имеет свойство восстанавливать баланс. Но не моими руками. Лучшая месть, Уля, — это счастье. Искреннее, полное, без оглядки на прошлое.

Качаю головой. Красивые слова, но...

— Ты не понимаешь. У тебя была конкретная причина для развода. Измены, пьянство. А у меня...

Замолкаю. У меня что? Подслушанный разговор в туалете? Паранойя? Муж, который пережил трагедию и нуждается в поддержке?

— У тебя что? — мягко спрашивает, поглаживая меня по руке.

Молчу. За окном дождь усиливается, струи воды размыывают мир за стеклом. В кофейне тепло, но мне холодно. Холодно изнутри, там, где должна быть душа.

— Послушай. Я не знаю, что у вас происходит. Но вижу — ты несчастна. Так несчастна, что аж светишься этим. И если ты остаешься в браке только из чувства долга или страха...

— У нас дочь, — перебиваю.

— У половины моих разведенных подруг есть дети. И знаешь что? Дети счастливы. Потому что счастливы их матери. Дети не дураки, Уля. Они чувствуют фальшь. Маша видит, как ты мучаешься?

Вспоминаю вчерашний вечер. Маша делала уроки на кухне, я готовила ужин. Иван сидел в гостиной, уставившись в выключенный телевизор. В квартире стояла такая тишина, что слышно было, как сосед смотрит футбол.

— Мам, почему папа больше не смеется? — спросила дочь.

— Устал на работе, — ответила я, не поднимая глаз от сковородки.

— А почему ты больше не поешь, когда готовишь?

Не нашлась с ответом. Просто пожала плечами, продолжая помешивать соус, который все равно никто не будет есть.

— Прости его, — вдруг говорит Лена. — Что бы там ни было между вами — прости. Не ради него, ради себя. Обида — это яд, который пьешь ты, надеясь отравить другого.

— Некоторые вещи простить нельзя.

— Можно. Вопрос — хочешь ли ты? Или удобнее носить эту обиду как щит?

Ее слова вспарывают грудину. Я просто больше не умею дышать, чувствовать. Встаю резко, стул скрипит по полу.

— Мне пора. Спасибо за разговор.

Лена меня не держит. Встает, обнимает на прощание.

— Береги себя, слышишь? И помни — жизнь одна. Не трать её на войну с призраками.

Выхожу под дождь. Холодные капли бьют по лицу, смешиваются со слезами. Призраки... Что, если она права? Что, если я воюю с призраками?

Еду домой на метро. В вагоне душно, пахнет мокрой одеждой. Напротив сидит пара — молодые, держатся за руки. Девушка что-то шепчет парню на ухо, он смеется. Когда мы с Ваней последний раз смеялись вместе?

Дома тишина.

Брожу по квартире. Вот наша спальня — кровать не заправлена, на тумбочке батарея его таблеток. Вот кабинет — идеальный порядок, ни пылинки. После аварии он помешался на порядке, будто внешний контроль поможет справиться с внутренним хаосом.

Захожу в гардеробную. Его половина — строгие костюмы, рубашки по цветам, галстуки на специальной вешалке. Моя — хаос из вещей, которые больше не радуют.

Присаживаюсь на пуфик. В углу стоит его спортивная сумка, с которой он раньше ходил в зал.

Сумка приоткрыта. Внутри что-то белеет.

Не надо. Не лезь. Ты обещала себе больше не копаться.

Но руки уже тянутся, расстегивают молнию.

Внутри спортивная форма, которой явно не пользовались. И еще... конверт.

Достаю, вскрываю. Фотография. Одна-единственная. Мой муж стоит рядом с нереальной красоты женщиной. Высокая, рыжеволосая.

В чем-то все же те девицы из туалета были неправы. Нет у него никакого сына. Потому что с другой стороны к Ивану жмутся две девочки. Судя по лентам — выпускницы. Близняшки безумно похожи друг на друга. И на моего мужа.

Девочки явно старше Маши, это значит, что не они, а именно мы вторая семья.

На обороте фотографии дата. Я ее слишком хорошо запомнила, помогая с апелляциями по делу мужа. Это тот самый день, когда случилась авария.

Конверт выпадает из рук. Значит, правда. Все правда. И в тот день он ко мне от нее!

Сползаю на пол прямо в одежде. Холодный паркет обжигает колени через тонкие колготки. В груди будто взрывается граната — боль разлетается осколками по всему телу.

Меня выворачивает. Едва добегаю до ванной. Стою на коленях перед унитазом, обнимая холодный фаянс. В голове стучит: он предал. Предал. Предал.

Когда желудок опустошается, сползаю на пол. Лежу, свернувшись калачиком, и не могу даже плакать. Слез больше нет.

Лена ошибалась. Некоторые вещи простить нельзя. И месть — иногда это единственное, что остается, чтобы не сойти с ума от боли.

— Ты заплатишь, — шепчу отражению. — За все заплатишь.

Умываюсь холодной водой, привожу себя в порядок. Возвращаюсь в гардеробную, аккуратно складываю фотографии обратно в конверт. Кладу на место, застегиваю сумку.

Пусть думает, что тайна в безопасности. Пусть продолжает играть роль страдающего, раскаивающегося мужа.

Я тоже умею играть роли. И моя месь будет идеальной. Выверенной до мелочей. Беспощадной.

Глава 6

Бегу в спальню. Мысль одна — бежать. Немедленно. Сейчас.

Выдергиваю из шкафа чемодан. На боку все еще наклейка из последней поездки в Грецию. Последний вдох счастья.

Швыряю на кровать, молния заедает, дергаю сильнее. Зубчики расходятся с металлическим звоном.

Что брать? Хватаю первое попавшееся — серую водолазку, джинсы, белье горстями из ящика. Все летит в чемодан хаотичной грудой. Косметику с туалетного столика просто сгребаю. Тушь, помада, крем, который он подарил на прошлый день рождения. Швыряю крем в мусорку. Грохот.

Документы. Где документы? Рою ящик секретера — свидетельство о браке, красная корочка насмехается. Туда же. Паспорт, свидетельство о рождении Маши, страховка...

Маша.

Останавливаюсь. В руках её фотография с выпускного в

садике — беззубая улыбка, банты больше головы. Что я делаю? Куда собралась бежать? К маме в Тверь?

Опускаюсь на пол прямо посреди хаоса разбросанных вещей. Платья вперемежку с бельем, туфли башенкой, сумки вывернуты наизнанку. Как моя жизнь.

Тянусь за упавшей папкой — из неё высыпаются фотографии. Вот мы с Иваном на море, вот Машин первый день рождения, вот... свадебный альбом. Тяжелый, в кожаном переплете с золотым тиснением. Помню, как выбирали — спорили целый час, какой цвет лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.